

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.23>

Франгулян Лилия Рубеновна

КОПТСКОЕ "МУЧЕНИЧЕСТВО ПАЭСЫ И ФЕКЛЫ": РОМАНИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРООБРАЗЫ

Статья посвящена исследованию "Мученичества Паэсы и Феклы", написанного на коптском языке. Этот памятник был издан во второй половине XX в. и с литературной точки зрения не изучался, так как интерес к коптской агиографии как к самобытному явлению появился относительно недавно. Отличительной чертой "Мученичества Паэсы и Феклы" можно назвать наличие романических черт. Повествование отличается динамичностью и наличием большого количества персонажей. Ряд сюжетов относится к жанру мученичества, другие с ним не связаны. Именно на характеристике последних и сфокусирован анализ. Автор выявляет романические черты и образы, определяет их библейские прототипы. На основе проведенного исследования делается вывод о подходе, реализуемом агиографом при написании рассматриваемого мученичества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 111-115. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Римской империи, это точка отсчета всех расстояний. Над городом бушует снежная буря, которая покрывает белым снежным покровом пестро-разодетую толпу «светских» гостей. Все оказываются равными перед вечным камнем и белым снегом.

Список источников

1. **Аврутина А. С.** Роман Зюльфиу Ливанели «Беспокойство» (“Huzursuzluk”) как отражение политической ситуации в современной Турции // Актуальные вопросы тюркологических исследований: материалы Междунар. науч. конф. «XIX Ивановские чтения» (19 мая 2017 г.). СПб.: Центр содействия образованию, 2017. С. 10-15.
2. **Образцов А. В., Сулейманова А. С.** Стратегия «счастья» Зюльфиу Ливанели: нарратив и визуальность // Российская тюркология. 2019. № 1-2 (22-23). С. 58-69.
3. **Репенкова М. М.** Поэтика беллетристики Зюльфиу Ливанели // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12 (90). Ч. 2. С. 248-254.
4. **Репенкова М. М.** Поэтика романного творчества Зюльфиу Ливанели // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869-1930) (19-21 июня 2019 г.): материалы конгресса: в 2-х т. СПб.: Студия «НП-Принт», 2019. Т. 1. С. 388-390.
5. **Фочкин О.** Писатель Зюльфиу Ливанели: наша встреча с Горбачевым стала причиной перестройки [Электронный ресурс]. URL: <https://vm.ru/news/669714.html> (дата обращения: 30.06.2019).
6. **Kula O. V.** Livaneli muhalifligi süs olsun diye yapmaz [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeteduvar.com.tr/kitap/2017/06/29/o-bilge-kula-livaneli-muhallifligi-sus-olsun-diye-yapmaz/> (дата обращения: 04.06.2019).
7. **Livaneli Ö. Z.** Konstantiniyye Oteli. İstanbul: Doğan Kitap, 2017. 476 s.
8. **Livaneli Ö. Z.** Mutluluk. İstanbul: Doğan Kitap, 2018. 376 s.
9. **Sanay B.** Zülfü Livaneli “Konstantiniyye Oteli” romanını anlattı [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnnturk.com/kultur-sanat/kitap/zulfu-livaneli-konstantiniyye-oteli-romanini-anlatti> (дата обращения: 04.06.2019).
10. **Yıldırım M.** Karnaval gibi bu roman [Электронный ресурс]. URL: <http://kitaplaryolda.com/kitap/konstantiniyye-oteli-livaneli/> (дата обращения: 04.06.2019).

ISTANBUL IMAGE IN THE NOVEL BY ZÜLFÜ LIVANELİ “CONSTANTINOPLE HOTEL”

Repenkova Mariya Mikhailovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
mmrepenkova@rambler.ru

The article considers the image of the eternal city of Constantinople/Istanbul in Zülfü Livaneli’s novel “Constantinople Hotel”. This image is formed in an unusual vertical chronotope complicated with the elements of phantasmagoria and carnivalization and with a specific form of narration based on endless succession of the personages’ stories. The paper argues that the position of the narrator, who often manifests himself through the pronouns “we” and “I”, is clear and definite and is reduced to ethical problematic. The importance of personages is estimated according to their understanding of temporality of earthly existence and eternity of mortal darkness.

Key words and phrases: Turkish fiction; Zülfü Livaneli; novel “Constantinople Hotel”; carnivalization; phantasmagoric nature of chronotope; system of images; poetics of narrativization; quotation and self-quotation; image of eternal city on seven hills.

УДК 82-1/9

Дата поступления рукописи: 03.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.23>

Статья посвящена исследованию «Мученичества Паэсы и Феклы», написанного на коптском языке. Этот памятник был издан во второй половине XX в. и с литературной точки зрения не изучался, так как интерес к коптской агиографии как к самобытному явлению появился относительно недавно. Отличительной чертой «Мученичества Паэсы и Феклы» можно назвать наличие романтических черт. Повествование отличается динамичностью и наличием большого количества персонажей. Ряд сюжетов относится к жанру мученичества, другие с ним не связаны. Именно на характеристике последних и сфокусирован анализ. Автор выявляет романтические черты и образы, определяет их библейские прототипы. На основе проведенного исследования делается вывод о подходе, реализуемом агиографом при написании рассматриваемого мученичества.

Ключевые слова и фразы: коптская литература; агиография; романтические черты; путешествие; образ трапезы; переписка; многоперсонажность.

Франгулян Лилия Рубеновна, к. филол. н.

Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва

8liya8@gmail.com

**КОПТСКОЕ «МУЧЕНИЧЕСТВО ПАЭСЫ И ФЕКЛЫ»:
РОМАНИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРООБРАЗЫ**

Агиография как определенный вид литературы не возникла ex nihilo. Ей предшествовали, по меньшей мере, библейская и античная традиции, а сама она зародилась в эпоху, когда тип художественного сознания

был традиционалистским или нормативным [1; 8], авторы же творили с оглядкой на канон и образец. Это дает возможность современным исследователям анализировать истоки тех или иных агиографических жанров, выявлять топоры общехристианские и оригинальные для каждой местной традиции, реконструировать их литературное развитие. Известно, что библейские сюжеты и персонажи не просто засвидетельствованы в агиографии, но являются прообразами многих элементов в повествованиях, а цитирование из Библии – один из способов доказать истинность того или иного постулата. Что касается взаимосвязи романа и агиографических произведений, то, как верно отмечает А. Н. Веселовский, агиографы позволяли себе использовать «традиционные приемы романа», совместимые с новыми христианскими темами [3, с. 44].

Среди жанров, посвященных жизнеописанию христианских святых, выделяется агиографический роман, перипетии которого, как и в античных романах, сводятся к разлуке, странствиям, похищению и узнаванию. Роль же «судьбы» в них заменяет божественный промысел. Например, в «Житии Евстафия» [7] главный герой пережил вынужденное путешествие, разлуку с семьей и воссоединение спустя годы. В этом тексте почти все повествование строится по плану античного романа, лишь в экспозиции приведены эпизоды, связанные с обращением Евстафия из язычества в христианство, а в конце текста описывается его мученическая кончина со всей семьей. Несмотря на это, основной посыл автора заключается не столько в мотиве верности и любви, свойственном античным романам, сколько в испытании веры главного героя.

К агиографическим романам исследователи относят и другие тексты: «Житие преподобных Ксенофонта и Марии и сыновей их Иоанна и Аркадия», в котором родители оказываются разлученными с детьми; «Житие и жизнь блаженной Феодоры», в котором жена, изменив мужу и раскаявшись, покидает того и странствует в мужской одежде, проходя через суровые испытания; «Житие и мученичество святых Галактиона и Эпистимы», в котором родители Галактиона, Левкиппа и Клитофонт, – герои одноименного античного романа Ахилла Тация, и т.д. Что касается коптской житийной литературы, то с начала XX в. отношение к ней было пренебрежительное, поэтому филологический анализ многих памятников не проводился. При этом в литературе египтян-христиан известны два романа. Это коптская версия «Романа об Александре» и «Роман о Камбизе», оба они имеют христианские отсылки. Изучение романических черт в «Мученичестве Паэсы и Феклы» открывает возможность понимания того, каким образом в одном конкретном тексте коптский агиограф совместил христианские и романические элементы.

Исходя из вышесказанного, **цель** данного исследования – это определить, позволяет ли наличие романических черт в «Мученичестве Паэсы и Феклы» отнести этот текст к жанру агиографического романа. **Задачей** проводимого литературного анализа станет выявление романических черт и их соотнесение с библейскими прообразами, если таковые имеются.

Коптская литература, к которой относится исследуемый памятник, характеризуется как литература второго поколения, так как с самого зарождения она ориентировалась на другую, более древнюю и развитую традицию (первого поколения), а именно на греческую. В коптской традиции известен такой феномен как агиографические циклы – сборники мученичеств, объединенных общими персонажами [13]. Хотя мнения исследователей расходятся в вопросе датировки и оригинальности текстов, в коптологии утвердилось мнение о том, что агиографические циклы получили широкое распространение после арабского завоевания Египта [10, с. 9-11, 61-63]. Несомненно, в основе произведений лежали более древние предания, в связи же с новой мусульманской властью зародилось литературное движение, направленное на возвеличивание мучеников Древней Церкви, которые являются главными героями в циклах. Целью создания таких текстов считается желание сплотить паству вокруг нового героя и доказать древность Коптской Церкви [14, р. 334], а местом их создания – монашеские общины [10, с. 149].

К одному из агиографических циклов относится «Мученичество Паэсе и Феклы» [11], в котором ряд сюжетов отличается близостью к античному роману [4; 5; 9]. Этот текст дошел полностью в одной рукописи на саидском диалекте коптского языка, которая хранится в Библиотеке и музее Моргана и датируется IX в., и частично в нескольких фрагментах. Также сохранился один фрагмент на бохайрском диалекте. Прежде чем переходить к анализу, необходимо кратко изложить композицию этого мученичества. Паэсе был богатым египтянином из города Писуре, а Фекла – его вдовствующей сестрой в городе Антинополь; они жили в Верхнем Египте в разных городах, расположенных недалеко друг от друга. С самого начала отмечается, что брат и сестра помогали заключенным в тюрьмы христианам. Павел, родственник и друг семьи, по торговым делам поехал в Александрию и там заболел. Паэсе отправился к больному другу, вслед за ним поехала сестра. Там Фекла с братом стали узниками из-за исповедования христианства, их переправили южнее и казнили. При этом приблизительно половина текста посвящена суду, пыткам и казни. Другая же половина «Мученичества» представляет собой историю перемещений и встреч главных героев с другими персонажами и друг с другом. Таким образом, несмотря на то, что памятник озаглавлен как мученичество, в повествование включены сюжеты и мотивы не только этого жанра.

Как написано во введении к коллективной монографии «Античный роман», этот жанр «говорит о возвышенных переживаниях... персонажей, повествует об их борьбе с возникающими препятствиями и о конечном триумфе героев» [2, с. 28]. В исследуемом коптском тексте описываются переживания персонажей, не связанные непосредственно с исповедованием христианства. Перед отъездом Паэсе в Александрию Фекла говорит ему: «Если я неделю не вижусь с тобой, я очень мучаюсь и посылаю моего сына Аполлония к тебе в Писуре, чтобы он принес мне вести. Если же ты уедешь так далеко¹, и я ничего не буду знать о тебе, я умру

¹ Имеется в виду Александрия.

из-за этого» [11, р. 37, 154]. В другом эпизоде Павел и Паэсе при встрече в столице «упали друг другу в объятия и долго плакали» [Ibidem, р. 38, 154-155]. Конечно, Павел болел, и Паэсе не знал, в каком состоянии друг, но степень радости, очевидно, преувеличена. Можно отметить, что романический топос о разлуке и воссоединении имеет в «Мученичестве» самобытное выражение: движимые волнением о судьбе родственника, персонажи отправляются вслед за ним. При этом Паэсе и Фекле не раз обещается, что не только их души на небе, но и тела на земле после смерти будут находиться рядом. В этом обещании прочитывается совершенное воссоединение в христианском понимании, хотя мотив любви между братом и сестрой, на котором делается акцент, выходит за рамки топосов мученического жанра. Этот мотив позволяет агиографу, с одной стороны, ввести в свой текст описание «возвышенных переживаний», с другой стороны, не касаться темы плотской любви. Учитывая, что агиографические циклы возникли в монашеской среде, это вполне ожидаемо.

Отличительной чертой повествования можно назвать его динамичность, что свойственно многим текстам из агиографических циклов. Динамичность достигается быстрой сменой эпизодов и «декораций», что отмечается и в романах [5, с. 151-152]. С этой точки зрения путешествие Феклы за братом представляет собой яркую часть в тексте. Вот его содержание: Фекла отправляется к христианам-узникам, чтобы узнать о судьбе брата, которого она не видела полтора месяца → один из христиан рассказывает ей о видении ангела, просившего передать Фекле, чтобы она поехала вслед за братом, для которого готовится свадебная трапеза → Фекла находит в гавани небольшое судно, направляющееся в Александрию → Фекла договаривается с «моряками» о том, чтобы присоединиться к ним → «моряками» на судне были архангел Рафаил и Гавриил, а пассажирами – Дева Мария и праведная Елизавета, которых Фекла не узнала → Фекла отправляет из дома слуг с багажом к судну, а сама прощается с сыном → Фекла отплывает на судне, оставив при себе лишь одну служанку → Фекла угощает «моряков» едой → вечером происходит диалог Феклы с Девой Марией и Елизаветой, которые рассказывают ей, что едут на свадьбу Паэсе → Фекла угощает «моряков» и спутниц → наступает безлунная ночь → Дева Мария помазывает Феклу благовонным маслом → диалог Феклы и Богородицы о недостоинстве Феклы принять помазание → Фекла засыпает → первая остановка в поселении Тамма → Дева Мария приглашает Эрай, дочь местного священника, на свадьбу, пророчествуя о ее мученичестве → вторая остановка в поселении Шеремун → пророчество Богородицы о будущем поселении¹ → судно прибывает в Александрию → подойдя к тюрьме, в которой заключен Паэсе, Дева Мария раскрывает Фекле личности ее спутников.

Приведенный отрывок, несмотря на свой небольшой объем в тексте, наполнен событиями, что наглядно подтверждает тезис о динамичности повествования. Архангел Рафаил как помощник мучеников², Гавриил как благовестник, Дева Мария и праведная Елизавета как матери казненных сыновей, помазание как элемент погребения, встреча с другой будущей мученицей – все это символизирует путь к мученическому подвигу, о котором Фекла еще не подозревает. В эпизоде участвуют библейские персонажи, помазание имеет новозаветный прообраз. Также реализован сюжет с узнаванием, как известно, ставший топосом в агиографии. Его библейским прообразом можно назвать явление Христа после воскресения по пути в Эммаус двум ученикам, которые также не узнали его (Мк 16:12-13; Лк 24:13-35). Однако вся ситуация делает этот топос в «Мученичестве» близким к путешествию: не раз упоминается багаж, взятый Феклой с собой, который ей помогают погрузить на судно и о разгрузке которого она беспокоится; на вечерней трапезе было подано много хорошей еды и вина; были сделаны остановки с разными целями. Наконец, агиограф приводит, хотя и очень краткое, описание ночи. Это совершенно отличается от перемещения узников-мучеников, привычного для этого жанра в коптской традиции: довольно часто их связывают по рукам и ногам, на шею надевают цепь, помещают в трюм корабля. Именно так во второй части исследуемого текста из Александрии на юг Египта перевезли Паэсе и Феклу.

Два земных перемещения героев (по своей воле в Александрию и по принуждению в качестве мучеников) символично разделяет духовное путешествие. После одной из попыток правитель поместил брата и сестру в тюрьму. Оттуда на своем крыле ангел перемещает Паэсе в Небесный Иерусалим, показывает ему приготовленные дома для Паэсы и Феклы, рассказывает о благах для добродетельных людей, а также о наказании неправедным священникам и диаконам. Повествование в этом отрывке ведется от первого лица, что повышает его достоверность для читателя и передает личное отношение к увиденному. Ведь помимо задаваемых вопросов ангелу Паэсе в самом конце указывает на то, что его палаты невелики по сравнению с палатами мученика Виктора, свидетелем пытки которого он был по своему приезду в Александрию. Это недоумение Паэсе открывает перед нами не идеального мученика, а живого человека с его сиюминутными слабостями, так как ангелу приходится отметить очевидное превосходство подвига Виктора, которого он называет царем (а Паэсе, соответственно, ниже рангом). Сюжет с посещением Небесного Иерусалима – общехристианский, он же встречается во многих апокрифах. Уже апостол Павел кратко отмечает о восхищении в рай одного человека, подразумевая под ним себя (2 Кор. 12:2-4); о различных же местах в раю Сам Христос говорит: «В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам» (Ин. 14:2).

Лейтмотивом всего «Мученичества Паэсы и Феклы» можно назвать образ трапезы. Во-первых, это свадебный пир. Как уже было упомянуто выше, Фекла направляется в Александрию, уверенная в том, что едет на свадьбу к брату. В этом эпизоде пересекаются духовная и земная женитьба. Лишь встреча с Паэсе в тюрьме открывает истинное значение «свадьбы», на которую Фекла ехала. В самом же начале повествования

¹ Видимо, в этом отрывке передается местное предание, не сохранившееся до наших дней, и потому непонятно, о чем именно идет речь.

² Именно он помогает во время пыток Паэсе и Феклы.

родители Паэсе пытаются убедить его найти себе жену. Но сын отказывается, говоря, что ему достаточно заботиться о сестре и племяннике. Таким образом, женитьба в духовном понимании как жизнь в Царстве Небесном предпочитается земным семейным узам, но только в отношении Паэсе, т.е. путь отдельно взятого персонажа не проецируется как единственный возможный. Хотя Фекла представлена вдовой, это дает возможность автору теснее связать судьбы брата и сестры – ведь ни друг Павел, ни сын/племянник, ни Эраи не присоединяются к их мученическому пути, – а не несет скрытый призыв к девству и отказу от брака. Несмотря на замужество Феклы, и брату, и сестре обещается отдельный венец за целомудрие, потому что они оба в понимании автора вели благочестивую жизнь. «Мученичество Паэсы и Феклы» тем отличается от других памятников из агиографических циклов, что в нем не подчеркивается строгий аскетизм и безбрачие главных героев.

Во-вторых, образ трапезы находит выражение в акте милосердия по отношению к заключенным христианам, которым Паэсе и Фекла помогали, тем самым выполняя наставление Христа. В-третьих, трапеза как освящение пути засвидетельствована в угощении Феклой архангелов, Пресвятой Богородицы и праведной Елизаветы. В этом эпизоде соединяется воедино мир земной и мир небесный, ведь Фекле на земле держит путь в Царство Небесное, а ее спутники – жители этого Царства. Здесь же прослеживается аллюзия на библейскую историю Авраама, угостившего трех странников под Маврикийским дубом и не знавшего поначалу, кем они являются (Быт. 18:1-16).

Образ трапезы/пира встречается довольно часто и в романах, и в христианской литературе, это достаточно древний топос, и, конечно, в каждой традиции он наполняется своими коннотациями. Исследователи находят мистическое значение пиршеств в античных романах [6, с. 384], в христианстве же самая важная трапеза – Тайная Вечеря – стала центром литургической жизни. В рассматриваемом тексте образ трапезы несет символическое значение, и его смысл – стяжание святости. Причем сами персонажи не всегда знали, что происходит (путешествие Феклы), но читатель не мог не осознавать иной, духовный смысл происходящего, ведь он ожидал историю восхождения к святости.

Наконец, еще два элемента отличают античные романы и характеризуют тексты из агиографических циклов. Во-первых, это переписка, которая достаточно часто обнаруживается в мученичествах. В романах переписка придает большую живость и яркость повествованию [4, с. 201], как и в коптских текстах, где она может вестись между святыми, между гонителями или между теми и другими. В исследуемом «Мученичестве» засвидетельствовано два письма. Первое краткое послание Павел адресовал своим слугам во время болезни в Александрии. В нем он приказывает слугам прийти к нему, а также передать Паэсе, чтобы тот навестил умирающего друга. Второе письмо написано Феклой ее сыну. Оно пространнее и по содержанию утешительно-дидактическое. Мать просит сына не переживать о ее мученическом конце, раздать деньги слугам и ее вещи нуждающимся. Затем она уверяет сына, что ни одной монеты из наследства своего мужа не потратила, и он может им воспользоваться, в том числе на помощь вдовам, сиротам, странникам. Это письмо выполняет функцию завещания.

Во-вторых, все памятники из агиографических циклов характеризует большое количество эпизодических персонажей. Довольно часто обозначаются их имена, но не всегда. Это могут быть воины и палачи, или слуги, или малоизвестные святые, или те простые люди, кому святой помог, или персонажи, принесшие жертву языческим богам в корыстных целях. С этой точки зрения «Мученичество Паэсы и Феклы» не исключение: второстепенных персонажей множество (правители, слуги, стражники, узники-христиане, толпа свидетелей пыток), три же эпизодических персонажа очень важны с точки зрения интертекстуальности агиографических циклов. Упомянутая Эраи из Тамма в другом тексте – «Мученичество Тера и Эрай¹» [12] – также появляется как второстепенный персонаж, точнее ее мощи. Именно к ним держат путь главные герои. После эпизода с казным Паэса и Феклы повествование вновь начинается от первого лица. На этот раз оно ведется Юлием Акфакским, личность которого объединяет ряд текстов, потому что основная функция этого персонажа – позаботиться о мощах мучеников и записать сведения об их подвиге. Именно от него читатель узнаёт о судьбе мощей Паэсе и Феклы. Их нашел и захоронил святой Ари, мученичество которого также известно на коптском языке. Таким образом, коптские агиографы выводят ряд персонажей за рамки одного текста, что позволяет сформировать целый мир мучеников. В этом проявляется собственная литературная инициатива коптов, и именно свобода литературного творчества, насколько об этом можно говорить в рамках традиционалистского художественного сознания, позволила им расширить пространство многих, отдельно взятых мученичеств.

Неизвестно, были ли знакомы коптские авторы с античными или агиографическими романами. Стоит предположить, что ответ будет, скорее, нет, чем да, так как творили они уже относительно поздно, а переводы на коптский язык этих памятников не зафиксированы и нигде не упоминаются. Хотя исследуемый памятник невозможно причислить к агиографическим романам, так как соответствующие перипетии в развитии сюжета отсутствуют и прямого влияния античного или агиографического романов на «Мученичество Паэсы и Феклы» не было, ряд романических черт все же выделяется. В том случае, когда они переплетаются с библейскими прототипами, следует говорить о новозаветном или ветхозаветном образе, преподнесенном в романической форме. Сходство же ряда элементов и приемов в романах и в «Мученичестве» говорит не о процессе заимствования, но об общности авторского подхода к изображению художественной реальности, общего приема литературной обработки сюжетов и мотивов. Это дает возможность сделать **вывод** о том, что оставшийся безымянным

¹ Здесь имя главного персонажа в памятнике символично совпадает с именем уже ставшей мученицей к этому времени Эрай из Тамма.

агиограф в целом и целом умело использовал два модуса повествования – непосредственно мученический в той части, где описываются суд, пытки, исцеления от ран, казнь, и романический, когда автор занимательно рассказывает о том, что непосредственно не связано с подвигом персонажей, но опосредованно ведет к нему.

Список источников

1. **Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В.** Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика: литературные эпохи и типы художественного сознания: сб. статей. М.: Наследие, 1994. С. 3-38.
2. **Беркова Е. А., Стрельникова И. П.** Введение. Краткий очерк изучения античного романа в зарубежном, русском и советском литературоведении // Античный роман / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1969. С. 7-31.
3. **Веселовский А. Н.** Из истории романа и повести: материалы и исследования. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1886. Вып. 1. Греко-византийский период. 514 с.
4. **Кузнецова Т. И.** Историческая тема в греческом романе «Роман об Александре» // Античный роман / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1969. С. 186-229.
5. **Кузнецова Т. И.** Сказочный роман. «История Аполлония, царя Тирского» // Античный роман / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1969. С. 132-155.
6. **Кузнецова Т. И.** Состояние изучения греческого романа в современном зарубежном литературоведении // Античный роман / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1969. С. 365-402.
7. **Мученичество святого Евстафия и кровных его** // Полякова С. В. Византийские легенды. Л.: Наука, 1972. С. 208-224.
8. **Рифтин Б. Л.** Типология и взаимосвязи средневековых литератур (вместо введения) // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада: сб. статей / отв. ред. Б. Л. Рифтин. М.: Наука, 1974. С. 9-116.
9. **Томашевский М.** Три романа античной Греции // Харитон. Лонг. Гелиодор. Греческий роман. М.: Правда, 1988. С. 5-18.
10. **Франгулян Л. Р.** Агиографический мир мучеников в коптской литературе (VII-VIII вв.). М.: ИВ РАН, 2019. 260 с.
11. **Martyrdom of ss. Paese and Thecla** // Four Martyrdoms from the Pierpont Morgan Coptic Codices. Oxford: Oxford University Press, 1973. P. 31-79 (text); 151-184 (Eng. transl.).
12. **Martyre de saint Apater et d'Irai** // Les actes des martyrs de l'Égypte / éd., transl. H. Hyvernat. P.: Ernest Leroux, 1886. P. 78-113 (text; Fr. transl.).
13. **Orlandi T.** Cycle // Coptic Encyclopedia / ed. Aziz S. Atiya. N. Y.: Macmillan Publishing Company, 1991. Vol. 3. P. 666-668.
14. **Papaconstantinou A.** Hagiography in Coptic // Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography / ed. S. Efthymiadis. Farnham – Burlington, 2011. Vol. 1. Periods and Places. P. 323-344.

**COPTIC “MARTYRDOM OF SS. PAESE AND THECLA”:
NOVEL FEATURES AND BIBLICAL PROTOTYPES**

Frangulian Lilia Rubenovna, Ph. D. in Philology
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow
St. Tikhon's Orthodox University, Moscow
8liya8@gmail.com

The article is devoted to studying the Coptic “Martyrdom of ss. Paese and Thecla”. This monument was published in the second half of the XX century and has not been previously investigated from the literary viewpoint, because the Coptic hagiography as an autonomous phenomenon has only recently aroused the interest of researchers. “Martyrdom of ss. Paese and Thecla” is distinguished by novel features. The narration is characterized by dynamism and a large number of personages. Some stories refer to the martyrdom genre, others are not. The analysis is focused just on the latter ones. The researcher identifies novel features and images, establishes their biblical prototypes. The conclusion is made about the hagiographer's approach when writing the martyrdom.

Key words and phrases: Coptic literature; hagiography; novel features; travel; meal image; correspondence; multiplicity of personages.